

Нина Хрящева

ПО СТРАНИЦАМ ПРОЗЫ – 2008¹

Романы предыдущего литературного года собирались в некую целостность мотивом «путешествия». 2008 год, необычайно урожайный на данный жанр, можно было бы объединить мотивом «возвращения». Роман В. Маканина «Асан» (Премия «Большая книга». Напечатан в «Знамени» и отдельной книгой) возвращает нас к «кавказскому сюжету» русской классики. «Асан», на наш взгляд, является значительным литературным событием. Изображение второй чеченской войны начала 2000-х годов вырастает в нем в обобщенный образ современной войны с ее договорным и «игровым» характером. Главный герой романа – военный строитель, в Чечне еще с начала 1990-х. Он заведует складом: распределяет для войск амуницию, горючее, продукты. Крутит бизнес, выгодный обеим воюющим сторонам: боевики получают бензин, федералы – возможность проводить войсковые колонны.

Острая социальность Маканина – не новость. Здесь она становится основанием для глубоких обобщений психологического и философского свойства. Маканинская война неизбежный продукт современного состояния общества, возобладавших в нем отношений. Ее денежно-договорной характер «подсвечен» знаками другого времени и другой кавказской войны – войны, изображенной русской классикой XIX века. Преемственность осуществляется уже через имя собственное. Маканинского героя зовут Александр Сергеевич Жилин. Роднит ли его что-либо существенно с попавшим в беду толстовским «офицером»-«баринном» и шире – русским офицером-дворянином, служившим на Кавказе? Поначалу кажется, что связь чисто внешняя: и там и тут мерцает мотив денег. Но если у Толстого речь идет о выкупе жизни, то маканинский Жилин участвует в такой войне, которая задумана ради денег, она становится их источником. Замечательно выписана в этом плане «не-встреча» на войне отца с сы-

ном: «Я даже не успел ему (отцу – Н.Х.) рассказать обещанного... о том, как неожиданно и, пожалуй, даже невольно я превратился здесь в человека, умеющего делать деньги. (Что потомственные строители – что мой отец, что я – вообще говоря, никогда не умели)» [Маканин В. Асан. – М., 2008. С. 125]. Особо нацеливает читательское восприятие на ассоциации с классикой шекспировской мощи финал. Умирая, майор Жилин жалеет убитого его пацана. Последний приказ, который он отдает своему ординарцу, – приказ о спасении напуганного войной солдата:

«– Нас обстреляли...

– Кто?!

– Какая разница?»

Маканинский Жилин родственен героям «кавказского сюжета» русской классики глубиной человеческой состоятельностью. А Крамаренко медленно повезет мертвого Жилина вдоль красивых кавказских гор:

«– Смотри, Александр Сергеевич. В последний разок посмотри на эту нашу дорогу...на эти засанные солдатами горы. Красиво? Еще как красиво, а толку ноль». Красота и смерть, как и в рассказе «Кавказский пленный», здесь вновь идут рядом... и вновь красота не спасает. В этом плане роман «Асан» видится второй частью «кавказской» дилогии Маканина. Однако если в рассказе основной философемой войны является Обмен, то в романе – Бизнес.

Второе место в ряду номинантов премии «Большая книга» заняла Люд. Сараскина (Биография. «Александр Солженицын»); третье место – Руслан Рахматуллин (Книга «Две Москвы, или метафизика столицы»).

Роман Мих. Елизарова «Библиотекарь» (Литературная премия «Русский Буккер». Вышел отдельной книгой) тоже возвращает читателя, но видится это возвращение даже не топтанием на месте, а движением вспять – в другое жуковатое пространство всякого рода соцреалистических лозунгов, догм, представлений. «Библиотекарь» – о книгах скучного соцреалистического писателя Громова, которые имеют соответствующие названия: «Счастье, лети», «Пролетарская» и т.п. Однако каким-то чудом книги Громова оказались способными дарить харизму, превращаясь в Книги Памяти, Радости, Терпения, Ярости, Власти, Силы. И очень скоро вся страна оказалась опутанной сетью библиотек и биб-

¹ Статья написана при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» в рамках проекта «Современный литературный процесс: тенденции и авторские стратегии», гос. контракт № 02.740.11.5002.

лиотекарей, охотящихся за этими книгами, направо и налево убивающих людей. Если чуточку вынести за скобки мистику, то вся эта сеть очень смахивает на подпольные политические организации, которые во все времена готовили всяческие революции, но перед нами вряд ли только пародирование, а скорее попытка нетрадиционным (игровым) способом показать историческую и человеческую логику. Каждая такая подготовка была вооружена каким-либо учением, превращающимся в Веру, которая сокрушала на своем пути все. Думается, что сам писатель не очень стремится все это завуалировать, о чем свидетельствует эпиграф к книге: известная сентенция А. Платонова: «Рабочий человек должен глубоко понимать, что ведер и паровозов можно надеть сколько угодно, а песню и волнения сделать нельзя. Песня дороже вещей...», а также выбор героинь. Если эпиграф содержит в себе некий ключ к прочтению, то изображение персонажного ряда реализует его пародийно-иронический потенциал. Вот как заявлена главная героиня романа: «Бывшая доцент кафедры марксизма-ленинизма – Полина Васильевна Горн знала многое, в частности и то, что без генеральной линии ни одна организация долго не просуществует. “Обещай им вечную жизнь. А там посмотрим”, – надоумила Мохову Горн». Перед нами прозрачная отсылка к «Чевенгуру» А. Платонова, а точнее, к образу Прокофия Дванова, который обещает «остаточной сволочи» (мирным обывателям уездного города) вечную жизнь на небе взамен жизни на земле. А устроитель «доделанного коммунизма» Чепурный делает запись на «Капитале» Маркса: «Исполнено в Чевенгуре».

Кровавые баталии из-за книг ассоциируются не только с «Чевенгуром», но и с разделом страны в 1990-е годы, попытавшимся сочинить новую утопию.

Роман Александра Житинского «Государь всея Руси» (Международная литературная премия в области фантастики имени Аркадия и Бориса Стругацких) рассказывает об информационной войне, нацеленной на изменение государственного строя, т.е. сходную проблему решает при помощи игровых компьютерных технологий. Главным оружием становится флэшмоб: это короткая массовая акция в он-лайне или офф-лайне, способная вывести на улицу тысячи незнакомых людей и сплотить их для одной цели. Рецензент Дм. Володихин по этому поводу шутит, сравнивая роман Житинского с горьковской «Матерью» – «очень своевременная книга». Она комментирует современные способы борьбы в медийном поле. Рецензент также говорит о подражании автора Артуру Хейли. (Имеется в виду «Аэропорт» и «Отель»). Нам же в какой-то момент померещилась Оксана Робски, «подглядывающая» в замочные скважины Рублевки.

Повествование дано в виде дневниковых записей блогера, доктора физических наук Алексея Даниловича. Он сторожит дачу собственного сына – олигарха, отбывшего в Штаты, а поскольку свободного времени очень много, сидит в Интернете, в «Живом журнале», знакомится с нравами. Житинский ненавязчиво знакомит нас с жизнью олигархов.

Напротив дача адмирала М., окна в виде иллюминаторов, на портике мозаикой выложен андреевский стяг; мент-сутенер ходит по особнякам, предлагая отдыхающим господам женщин; мимо окон пронесли завернутый в простыню труп; а к вечеру подросток в ушанке волок куда-то гранатомет «Муха». На этом веселеньком фоне, усиленным хорошим коньяком, и начинаются интернет-события. К герою приходит его совесть. На экране она выглядит крайне безграмотной: «превед», «преведение».

Читая «Грех» З. Прилепина (Роман в рассказах. Литературная премия «Национальный бестселлер»). В интернете мы поймали себя на мысли, что вот наконец-то литература каким-то чудом прорвалась к первичному Слову. Возможно, сказана усталость от заполонившей все условной вторичности. На этом фоне роман действительно воспринимается как «возвращение». (Так назвал свою рецензию на книгу Прилепина Сергей Сурин). Возвращение к очень простым, очень понятным и Главным вещам. Рассказы собраны в роман образом главного героя. Автор высвечивает разные грани его личности. Это влюбленный юноша, приехавший на летний отдых в деревню. Однако любовь главного героя к замужней двоюродной сестре Кате остается лишь событием его духовной жизни, не переходя в поступок, грех. Этот особый почти житийный уровень «не-поступка» является, на наш взгляд, генерирующим в романе в целом. Есть ли он органичное отражение сути героя, или удачный прием? Это уже другой вопрос. В рассказе же «не-поступок» становится источником любви, чистоты и света, которые пронизывают собою самые, казалось бы, заурядные вещи. Они собираются под пером автора в узор русского национального бытия: отремонтировать дом, заколоть свинью. Не случайно эта глубинная жизнь отмечена новым росточком: сын Кати крохотный Родька учится произносить первые слова в окружении сада зреющих яблок. Однако акцента на идиллию автор не делает. Отдых здесь краткая пауза перед продолжением жизненного пути, которое начинается ранним, ясным и чистым утром.

(Также заслуживают внимания такие романы, как «Будьте как дети» Вл. Шарова – «Знамя», № 1, 2; «Третье сердце» Ю. Буйды – «Знамя», № 10; «Сгинь, коса» Анат. Королева – «Знамя», № 5; «Булгаков. Роман-биография» Алексея Варламова – «Москва», № 4, 5, 6 и др.).

Жанру повести в этом году повезло меньше и прочертить какой-либо объединяющий сюжет здесь оказалось весьма затруднительно.

Отметим сборник повестей и рассказов «Живая очередь» Марг. Хемлин. В нем 12 рассказов, 5 повестей: «Про Бертю», «Про Иону», «Про Иосифа» и др. В повести «Про Иосифа» рассказано о жизни некоего Иосифа Марковича Черняка, героя ничем не примечательного. Ушел на войну – вернулся, пережил космополитическую кампанию 1950-х годов – уволили с работы. Мы наблюдаем жизнь семьи на протяжении многих лет. Всякое в ней было: и мучительный треугольник, и грех прелюбодеяния. Однако главное в повести не Иосиф с его женщинами и

детьми, а, как нам кажется, иудейский дух, хранящийся в старых вещах, в книгах под замками. Эта странная любовь к старине, обернувшаяся для героя полным одиночеством, очень важна автору, здесь больше сказано между строк.

Стиль повести Б. Екимова «Предполагаем жить» («Новый мир», № 5) знаком читателям по рассказам «Не надо плакать», «Фетисыч». Знакомо и место – Хутор, где живет старуха у реки с внуками и правнуком, радуется тому, что бог дает. Однако повесть начинается городским пейзажем и банковским интервью, то есть другим противоположным, казалось бы, полюсом. Но очарование прозы Екимова как раз в том, что он не сталкивает полюса, не делает банальных «дразнилок». Плохое и хорошее он показывает и у сельских людей, и у долларовых миллиардеров. Он пробует разглядеть в человеке человека, минуя чин. (Вл. Березин. «Ностальгия. Повесть утерянного времени» – «Новый мир», № 3; «Корфу» Олеси Николаевой – «Знамя», № 6; ее же «Тутти» – «Новый мир», № 8 и др.).

В этом году вышло много интересных рассказов (Л. Бородин. «Ради деток» – «Москва», № 5; Дм. Данилов. «Девки на станции» – «Новый мир», № 5; Вячеслав Казакевич. «Наедине с тобою, брат» – «Знамя», № 5; Ал-др Иличевский. «Медленный мальчик» – «Знамя», № 1; Роман Сенчин. «Со-рокет» – «Новый мир», № 7 и др.).

Подробнее остановимся на тех, которые задают, на наш взгляд, своеобразные векторы интеграции в сфере малого жанра.

Рассказ Ю. Буйды «Закон джунглей» («Октябрь», № 3). Как всегда у Ю. Буйды реальное подчеркнуто натуралистично, а по неистовому буйству плоти этот рассказ едва ли сопоставим даже с великим классиком, воспетым Бахтиным. И именно это свойство позволяет писателю легко перешагивать всяческие границы, протаптывать фантастико-мифологические дорожки. Герои рассказа живут в поселке Жунгли, приюте бомжей, нищих и алкоголиков. Поселок находится за кольцевой автодорогой, т.е. входит в состав Москвы и официально называется Второй Типографией. Имена же и поступ-

ки жителей этого поселка до такой степени отличаются несовместностью с нормой, что в сознании возникает главный вопрос: А что есть норма??? Этот мир олицетворяет собою мальчик Франц-Фердинанд, у которого торчат из лопаток полуметровые отростки – крылья, и он постоянно пробует летать, падая с всевозможных крыш и деревьев и ломая себе ноги и руки.

С привычно ироничных позиций к русскому национальному характеру подходит Вяч. Пьецух в подборке своих рассказов «Давай поплачем» («Октябрь», № 3). Говоря о всегдашнем русском, Пьецух мастерски имитирует первичные речевые жанры. Конструируя всамделишные диалоги, писатель показывает жизнь трех приятелей, один из которых сломал ногу и на больничном досуге увлекся философией великого Библиотекаря Николая Федоровича Федорова. А поскольку увлечение у русского человека влечет за собой действие, то герой с его лечащим доктором решили «ничтоже сумняшеся» воскресить для начала императора Павла Первого. Но подлинная перчатка императора, которая нужна была героям для воскрешения, оказалась украденной гатчинским вором. В результате оживили опять не того.

Третий вектор в рассказовом пространстве связан с острой социальностью. Олег Павлов очень точно назвал свой рассказ «Советским» («Москва», № 6). В нем рассказано о судьбе стукача.

Итак, обилие романов симптоматично. Видимо, настало время итогов или хотя бы предварительных обобщений. С необходимостью завершающих размышлений, думается, и связан феномен «возвращения». Жанр повести обозначил, условно говоря, превалирование формы над содержанием. Умелое владение открытыми не сейчас литературными приемами «покрывает» недостачу глубинной органики в воспроизведении жизненных коллизий. Рассказ выступил в своей традиционной функции живого многоаспектного изображения действительности, однако без глубоких откровений о нашем времени.